

Н. П. МЕДВЕДЕВА.

В ялтинском Доме актера отдыхает Наталья Павловна Медведева. 10 лет своей жизни она отдала работе в Московском драматическом театре, снималась для кино в фильмах: «Возвращение Василия Бортникова» (колхозница Авдотья), «За витриной универмага» (директор Андреева) и в «Илье Муромце» (княжна Апраксина). Наталья Павловна участвовала в кинофестивалях в Италии и Аргентине.

Сегодня в нашей газете публикуются заметки Н. П. Медведевой о встречах в Италии, оставших в памяти актрисы неизгладимое впечатление.

В ВЕНЕЦИИ

Первая встреча с простыми людьми Италии у нас произошла во время поездки из Милана в Венецию. В вагоне третьего класса сидела итальянская семья, живо заинтересовавшаяся, какие люди сели к ним в купе. Когда мы сказали «Moskva, Sovjet Union, Russia», весь вагон сбегался смотреть на советских людей. Нас обнимали, целовали, детям говорили: «Вот это советские люди». Угощали чудесным напитком, сделанным из апельсинового сока «оранчато», и, конечно, итальянскими песнями.

РАССКАЗЫ ОТДЫХАЮЩИХ

Итальянские встречи

Вдруг кто-то попросил: «Спойте, пожал уй ста, «Катюшу». Оказалось, что «Катюша» — гимн итальянских партизан. И

вот мы, стараясь изо всех сил, пели «Катюшу» и думали: «Как все сейчас интересно в мире, поезд мчит нас из Милана в Венецию, а из окна льется простая русская «Катюша».

Мы в Венеции. Единственный город в мире, где очень мало улиц и площадей. Он испещрен бесконечной цепью каналов

Нас посадили в лодку и лодочник-гондольер, одетый в живописный костюм, подпоясанный ярко-красным кушаком, в широкополой шляпе «сомбреро», запел веселую итальянскую песню. Я спросила его: «Синьор, вам весело?». Он задумался и ответил: «Нет, синьорита, мне не весело, я просто надеюсь, что какой-нибудь богатый турист даст мне немножко денег за мою песню».

Контрасты преследовали нас на каждом шагу. Сказочная Венеция оказалась городом роскоши и нищеты, первым городом в Европе по смертности от ревматизма и туберкулеза. Венеция стоит на воде, и когда начинают хлестать дожди, «каменные мешки», как мы прозвали рабочие дома в этом городе, становятся рассадниками тяжелых болезней.

Богатых туристов этот вопрос не волновал. Они приезжали покупать в Адриатическом море, побывать на кинофестивале, а затем — ехать домой. О составе публики, приехавшей в Венецию на фестиваль,

можно судить хотя бы по такому факту: полиции было заявлено, что в одном из номеров гостиницы украдено на 60 миллионов франков бриллиантов. Честно говоря, нас это не очень огорчило, только позабавило.

В день открытия фестиваля все кинозвезды буржуазных стран пошли во Дворец кино в дорожных тысячедолларовых платьях, с длинными шлейфами, подметая ими грязь мостовой. Мы удивились такой неряшливости. Ведь шлейфы можно приподнять, невелик труд. Но когда мы имели неосторожность об этом сказать, нам ответили:

— Если кинозвезда поднимает шлейф своего платья, значит она нищенка. Сегодня она одела это платье, а завтра она его выбросит.

Мы увидели официантов, которых богатейшие бездельники подзывали небрежным щелчком пальцев, указывая безмолвно блюда в меню. Советские актеры в первый же день узнали, как каждого из них зовут, учили итальянские слова, чтобы иметь возможность общаться с ними, давали билеты на сеансы наших кинокартин. На первых порах официанты решили, что мы издеваемся над ними. Слишком непривычным для них было человеческое обращение, но впоследствии, убедившись в нашем добром отношении, не знали, как лучше отблагодарить. Помню, нам надели бульоны, которыми кормили ежедневно. Узнав об этом, работники ресторана сварили специально для нас чудесный украинский борщ. Официанты учили тайком русские слова, хотя порядком путали. Утром за завтраком они приветствовали нас возгласом: «Добрый вечер».

Мы сидим на кровати, обнявшись, две женщины двух разных миров. Она мне говорит:

— Вы знаете, Наташа, мне 50 лет, а вы первый раз в жизни дали мне почувствовать, что я тоже человек.

В рабочих районах, куда мы приехали, чтобы посмотреть, как живут простые люди, нас обступила толпа ребятишек, грязных, в рваных рубашонках. Все, как по команде, протянули ручки, прося милостыню. Комната, в которую мы вошли, характерна для рабочих людей Ве-

старались не замечать ошибки, так как чувствовали, что люди хотели нам передать частицу своего тепла.

Мой номер убирала горничная, с которой я, зная немного немецкий язык, подружилась. Она принесла мне газеты с моими фотографиями, рецензиями о картине (я была там с фильмом «Возвращение Василия Бортникова»). Однажды она пришла убирать номер больная. Я попросила ее пойти домой. Удивленно посмотрев на меня, горничная сказала:

— Что вы, Наташа. Если я уйду сейчас, я буду немедленно уволена. У нее трое детей. И ни один не имеет возможности учиться, плата за учебу очень высока.

В день отъезда я подарила ей свою фотографию на память и поцеловала. Когда я ее поцеловала, она заплакала, села на кровать, которую убирала, схватила мою руку и стала ее целовать. Я и сама заплакала, вырвала у нее руку и говорю:

— Что вы делаете, Луиза. У нас так не водится. У нас все равны, и каждый труд у меня на Родине почетен.

Вот мы сидим на кровати, обнявшись, две женщины двух разных миров. Она мне говорит:

— Вы знаете, Наташа, мне 50 лет, а вы первый раз в жизни дали мне почувствовать, что я тоже человек.

В рабочих районах, куда мы приехали, чтобы посмотреть, как живут простые люди, нас обступила толпа ребятишек, грязных, в рваных рубашонках. Все, как по команде, протянули ручки, прося милостыню.

Комната, в которую мы вошли, характерна для рабочих людей Ве-

неции. Она лишена тепла и света. Так как канал здесь очень узкий и между домами натянуты веревки, на которых сушится белье, солнце в комнаты почти не проникает. Мы видели нары вместо кроватей. Не было даже стола, хозяйка варила похлебку из бобов, которая является основной пищей рабочих Венеции.

Советские актеры посетили стекольный завод. Он существует 200 лет. За это время ничего там не изменилось. Техники нет никакой. Легкими люди выдувают потрясающие по форме произведения искусства из знаменитого на весь мир, тончайшего венецианского стекла. Чтобы не мешать работать, мы пригласили стеклодувов к нам в гости. На другой день 10 делегатов стекольного завода пришли в гостиницу. Один из них стал прикалывать к груди каждого из нас сувенир. Оказывается, специально для нас они сделали на маленькой булавочке из белого фарфора белого голубя.

Мы подумали: не обязательно знать язык, если люди чувствуют одинаково, хотят мира. Один рабочий попросил гитару и стал петь. Все итальянцы необыкновенно певучи, но этот простой человек, кото-

рый никогда не учился, пел с таким блестящим профессионализмом, с таким богатством нюансов, оттенков в голосе, что мы были потрясены его искусством.

ДВА ЗАЛА—ДВА ПРИЕМА

С волнением шли мы на второй день фестиваля во Дворец кино, где демонстрировалась картина «Возвращение Василия Бортникова». Мы знали, что билет на один сеанс фестиваля стоит столько, сколько рабочий Венеции зарабатывает за три рабочих дня. Мы знали, что в зале сидели богачи, презиравшие труд, и вот им надо показывать картину о простых тружениках нашей деревни, о том, как в жизни к этим простым людям ворвалась война, и как они через борьбу, горе и страдания обретают снова и счастье, и любовь. Зал Дворца кино вмещает две с половиной тысячи зрителей, и уже через 10 минут после начала картины многие из этих двух с половиной тысяч стульев стали скрипеть.

Кто-то встает и демонстративно уходит. Мы прислушиваемся к дыханию зала, не смотрим картину, и кажется, что весь зал полон ненависти, готов в знак протеста встать

и уйти. Каждая минута кажется вечностью. Но нет, сидят... Скрипят, и сидят. Интерес к Советскому Союзу победил. Они досмотрели картину, а на другой день написали, что восхищаются моей игрой, но удивляются, как я могла унизиться до того, чтобы играть простую бабу. «Какая любовь может быть у этих людей в ватных штанах и куртках!»

Для меня эта рецензия была не просто обидной, а невыносимой, так как Авдотья я отдала год своей жизни, бессонные ночи, мысли, чувства. Во время съемок в деревне работала в колхозе, научилась доить коров, ухаживать за ними. В Москве, в съемочном костюме, я ходила по городу, спрашивала, где мне что купить, как куда проехать, потому что я первый раз в столице. Вера людей в достоверность моего образа помогла в работе над ролью.

Но через несколько дней мы были вознаграждены за холодный прием картины во Дворце кин. Организаторы фестиваля разрешили нам показать фильм в рабочем клубе судостроителей Венеции. Тогда стояла около клуба. Не все могли попасть во внутрь — клуб бы-

(Окончание на 4-й стр.)

Итальянские встречи

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

до отказа набит зрителями. Весь зал встал, когда вошла советская делегация. Раздались крики приветствий в честь нашей Родины, нашего народа. Я волновалась больше всех, так как меня попросили перед картиной выступить. Когда я вышла на сцену и увидела сотни черных, прекрасных глаз, устремленных на меня, когда я увидела любовь на лицах простых людей, голос у меня от волнения пропал.

Переводчик торопил: «Говорите, они ждут». Я коротко рассказала о картине, о режиссере Пудовкине, который ее сделал и который является одним из родоначальников советского кинематографа.

Когда я закончила краткую речь, мне страшно захотелось сказать что-нибудь этим людям на их родном языке, но я еще очень мало знала итальянских слов. Сжав руку в кулак, я крикнула в зал: «Вива ла Италия, э ла Руссия!».

Оказалось, что я погрешила против итальянской грамматики, но зал меня дружно приветствовал, и я поняла — ошибка мне прощена.

Реакция зала по ходу картины была совершенно для нас неожиданной. Итальянцы бешено аплодировали, смеялись и плакали, когда на экране были показаны сцены коллективного труда в колхозе. Нам объяснили, что они аплодируют тому, что в Советском Союзе каждый человек имеет право на труд, а в этом скоплении людей на экране, в том, что никто не стоит в стороне, они видят право каждого советского человека работать. Этого права у простых людей Италии нет.

И вот закончилась картина. Зрители дарили нам огромные букеты цветов, мы им — свои фотографии и автографы. Бесконечная шеренга провожающих выстроилась вдоль дороги от рабочего клуба до нашей гостиницы.

Не все на фестивале проходило

КУРОРТНАЯ
16 июня 1957 г.
№ 118 (3986) **газета**

для нас легко и просто. В буржуазной печати были попытки нас уязвить. Например, мы устроили прием в честь участников фестиваля. На столе были водка и черная икра, которую миллионеры ели... ложками. На другой день в печати появился отчет о приеме под заголовком: «Советская водка и марксистская икра».

На этом же приеме буржуазные журналисты спросили нас, как мы себя чувствуем в Венеции. Мы ответили: хорошо. Советские люди везде себя хорошо чувствуют. На другой же день читаем в буржуазной газете: «Советские кинозвезды сообщили, что они никогда и нигде не веселились так, как в Венеции».

Но в общем печать вынуждена была признать, что советская делегация совершенно не похожа на те делегации, которые привыкли видеть в Италии. Это простые, общительные, жизнерадостные люди. Своей простотой они завоевали любовь и уважение итальянского народа.

Конечно, мы другие. На буржуазном приеме, на котором было 250 человек, Анна-Мария Ферреро — звезда итальянского кинематографа — появилась в купальном костюме. Буржуазные актеры платили огромные деньги за то, чтобы их фотографии помещали в газетах и журналах. Самореклама не знала границ.

Перед приездом нашей делегации в Венецию буржуазная пресса писала, что «Возвращение Василия Бортникова» не является произведением искусства, так как Авдотья играла Медведева — не актриса, а колхозница. Бесконечные проверки преследовали меня весь месяц. И вот, на нашем приеме, о котором я рассказывала выше, ко мне подошел президент кинематографии Италии и пригласил танцевать вальс, надеясь, видимо, что я откажусь.

Этого удовольствия я ему доставить не могла, и пошла танцевать. Неожиданно все танцующие пары расступились, и в огромном пространстве зала мы остались только вдвоем.

Президент был человек пожилой,

он быстро устал и показал мне на кресло, предлагая отдохнуть. Я почувствовала, что могу отыгаться.

— Что вы, президент, — сказала я, — такой прелестный вальс, и вы так очаровательно танцуете...

Наверное, этот вальс показался ему очень длинным. Думаю, что надолго отбила у него охоту проверять, как танцуют советские актеры.

На этом приеме танцевали распространенный буржуазный танец «буги-вуги». Он очень похож на тяжелую болезнь, бытовавшую в царской России. Когда человек заболел ею, то в припадках он терял способность координировать движения. Руки, ноги, голова судорожно дергались, и сдержать эту страшную тряску было невозможно. Эта болезнь — родная сестра «буги-вуги».

Реакционная Италия стоит перед моими глазами в образе одного крупнейшего миллионера, который под завывающий, лязгающий и шипящий джаз извивался, как червяк, и дергался в судорожных движениях «буги-вуги».

Италия будущего, которая обязательно победит, потому что необыкновенно смел и талантлив итальянский народ, видится мне в образе замечательного стеклодува, который принес нам голубей мира. Он живет в этих каменных мешках, рассадниках ревматизма и туберкулеза, он работает в еще более тяжелых условиях, 25 лет своими легкими выдувая стекло. Но его ничто не сломило. Он поет великолепным голосом прекрасные песни своего народа.

Когда мы уезжали из Италии, нас провожало много новых друзей, которые, как будто сговорясь, просили передать нашему народу горячий привет. Старичок рабочий, пришедший провожать нас, сказал замечательные и простые слова:

«Спасибо вам за то, что существует ваша Родина».

Мы увозили с собой самое лучшее, самое ценное — любовь итальянского народа.

Н. МЕДВЕДЕВА.